

цы нашли тела троих бойцов минометного расчета, по которым они выпустили десятки мин. Осколками была выкошена вся трава. Все трое были мертвы, тела их изуродованы осколками, было очевидно, что эти бойцы сражались, будучи тяжело ранеными. Сохранились их имена. Это Шарип Васиков – командир расчета, Виктор Шкутков и Василий Семьяков. Горные стрелки были поражены их героизмом» [3].

Таким образом, вся история с последней миной и последними словами является не более чем

военным мифом. Тем не менее это не умаляет заслуг советских минометчиков, отдавших свои жизни за дело освобождения Родины. Указом Президиума Верховного Совета СССР герои посмертно были награждены орденами Ленина.

Примечания:

1. Архив музея истории города-курорта Сочи. Ф. 7. Д. 144. Л. 49.

2. Цхомария Б.Д. Гроза над Кавказом. Сочи, 2005. С. 69.

3. Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М., Ставрополь, 2005. С. 242.

А.А. Черкасов*

АВГУСТ 1942 Г.: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОБОРОНЫ ГОРОДА СОЧИ

Летом 1942 г. стратегическая обстановка на Восточном фронте складывалась не в пользу СССР. Немецкие войска сконцентрированным ударом прорвались на юг и сумели создать реальную угрозу ликвидации всего Северо-Кавказского фронта РККА. Территориально Сочи входил в зону действия войск Северо-Кавказского фронта.

В рамках исполнения уже отмечавшейся директивы № 0428 от 17 ноября 1941 г. «О тактике выжженной земли» подразделения 20-й горнострелковой дивизии (гсд) стали готовиться к ликвидации путей сообщения.

Так, 8 августа группа советских солдат в составе стрелкового взвода, усиленного саперами, выступила в район Красная Скала с задачей приступить к оборудованию ротного опорного пункта и подготовки к разрушению дороги [1].

9 августа немецкие войска взяли город Майкоп и вплотную подошли к городу Туапсе. С целью усиления обороны в районе перевала Елисоветпольского (Туапсе-Майкопское направление) командующий 46-й армией генерал Леселидзе передал 67-й горнострелковый полк (гсп), с одним бронепоездом 12-го отдельного дивизиона бронепоез-

* Черкасов А.А. – к. и. н., доц. зав. каф. отечественной истории СГУТиКД.

дов (одбп), взводом 281-й противотанковой батареи (птб) 20-й гсд во временное оперативное подчинение группе войск в районе станицы Апшеронской [2].

В связи с этим командир 20-й гсд полковник Турчинский издал частный боевой приказ № 1, в котором давал инструкции по переброске 67-го гсп в район перевала Елисаветпольского. Так, например, в указаниях отмечалось, что главные силы необходимо было выбросить на автотранспорте и бронепоезде 12-го одбп на маршруты Сочи, Дагомыс, Лазаревская, Туапсе, Елисаветпольское; движение совершать только под покровом темноты, а утром рассредоточить по 1–2 машинам; по прибытии в район Елисаветпольское полку с подразделениями усиления поступить в подчинение командира, находящегося в Апшеронской; при этом необходимо иметь один заградительный отряд в составе лучшей стрелковой роты для наведения порядка в тыловых подразделениях частей Северо-Кавказского фронта (СКФ) [3].

С середины августа во временное оперативное подчинение 20-й гсд поступает Второе Тбилисское пехотное училище. Сменив роты 174-го гсп в районе Ермоловской, училище получило участок обороны Хоста – Адлер – Пиленково с задачей:

а) не допустить высадки немецкого морского и воздушного десантов на участке обороны, а

в случае высадки уничтожить его;

б) оборонять Адлерский аэродром от возможной высадки немецкого парашютного десанта, а в случае высадки уничтожить его.

Освободившаяся стрелковая рота из селения Ермоловское должна была занять и создать ротный опорный пункт на Краснополянском шоссе в районе отметки 951 [4].

Развертывание происходило и в районе рек. Так, например, устье реки Сочи, морские ванны и развалины батареи обороняла 4-я ср 379-го гсп, усиленная 4-й и 5-й батареями 61-го артиллерийского полка (ап).

5-я ср того же полка обороняла двумя взводами устье реки Мамайка, а одним взводом – Дагомыс [5].

Силами 265-го гсп, 2-й ср 67-го гсп, 281-й птб (без двух орудий), 161-м осб, имея основную группировку на перевале Хокуч, надлежало не допустить немцев на побережье моря, при этом не допустить и высадки десантов. Для этого следовало:

а) на перевале Хокуч обороняться двумя усиленными стрелковыми ротами с батареей ПА (полковая артиллерия) и двумя батареями 1-го дивизиона 61-го ап;

б) выдвинуть одну усиленную стрелковую роту на передовые позиции в район горы Тубы с задачей уничтожать немецкие войска на подступах к горе от станиц Темнолесская и Самурская;

в) одну стрелковую роту иметь в районе Божья Вода с задачей не допустить прохода немцев по долине р. Псезуапсе с северо-востока и от горы Красно-Александровская;

г) одну усиленную стрелковую роту и 281-ю птб иметь в районе Лазаревская и роту 67-го гсп в районе Головинка с задачей не допустить высадки противника с моря, а также подготовить отсечную позицию по левому берегу реки Псезуапсе с целью не допустить прорыва противника от Аше до Головинки [6].

В войска поступила и «Инструкция о действиях на перевалах и порядок обращения с отходящими войсками». В документе, в частности, отмечалось, что:

1. Оборону вести активную, решительными смелыми контратаками уничтожать прорвавшегося противника.

Надо иметь в виду, что возможны появления мелких групп автоматчиков, а также десантных групп противника в промежутках между нашими подразделениями, а иногда и заход их в тыл. В случае появления таких групп, беря их в клещи, уничтожать.

Действовать смело, решительно, вплоть до нахальства.

Смело применять метод засад (особенно автоматчиков и бойцов, хорошо обеспеченных гранатами) на скальных карнизах, залегающих над тропами.

Кроме наземной обороны, иметь дополнительные кольце-

вые редуты на каждую роту, взвод, куда на ночь заводить подразделения. Редут на роту должен быть размером 400–600 метров по кругу. В случае нападения противника на такой редут немедленно оцетиваться, что даст возможность отразить превосходящие силы противника.

Вести непрерывную разведку в своих направлениях к северу от перевалов конными разъездами на глубину 35–50 км.

2. а) части СКФ подошедшие с севера к перевалам в организованном порядке (после убеждения, что это не переодетые в красноармейскую форму немцы или изменники нашей Родины) подчинять себе и ставить на боевые участки, лучше в тылу, ставя сзади них для наведения порядка своих автоматчиков или наиболее надежные стрелковые группы;

б) в случае появления неорганизованных групп или одиночных людей разоружать их, формировать в команды и направлять в Сочи в Штадив; отобранное оружие направлять также в Сочи;

в) 33-й и 276-й полки НКВД разоружению и задержанию не подлежат. После проверки направлять их в свой тыл. С группами 267-го гсп поступать, как указано в пункте «а».

Инструкцию утвердили командир 20-й гсд полковник Турчинский; военком дивизии, старший батальонный комиссар Голандзия, начальник штаба дивизии, майор Базарный;

военком штаба дивизии, батальонный комиссар Жигала и начальник оперативного отделения, капитан Чурсин [7].

В другом обращении к командирам частей командир 20-й гсд рекомендовал отходящие в беспорядке подразделения и одиночных людей разоружать, фильтровать и в соответствии с приказом НКО № 227 направлять в штрафные роты штаба дивизии. При этом также отмечалось, что 33-й, 267-й и 276-й полки НКВД разоружению не подлежат [8].

С приближением противника к Главному Кавказскому хребту подразделения 20-й гсд были выдвинуты на перевалы. Так, например, 10 августа 1942 г. 1-я стрелковая рота (ср) со взводом 82-мм минометов заняла перевал Псеашхо. Из горного снаряжения ни рота, ни сама горнострелковая дивизия ничего не имели. Полностью отсутствовали лагерные и плащ-палатки. Серьезные проблемы отмечались с солдатской обувью, 20% которой требовало капитального ремонта [9]. Однако, несмотря на эти тяжелые условия, подразделения 20-й гсд сразу же перешли к своей работе: строительству базы и разведки. Общая численность подразделения, получившего условное название отряд № 2, составляла 188 человек. Подразделение было вооружено широким спектром стрелкового и тяжелого вооружения. Так, в отряде № 2 имелось 135 винтовок, 24 пистолет-пулемета Дег-

тярева, 6 станковых пулеметов, 12 ручных пулеметов Дегтярева, 4 ротных 50-мм миномета, 4 76-мм полковых орудия [10].

В то же время отряд № 1, прикрывавший перевал Аишхо, насчитывал 184 солдата и офицера и имел 136 винтовок, 6 станковых пулеметов, 12 ручных пулеметов Дегтярева, 4 50-мм ротных миномета, 4 противотанковых ружья и 24 пистолет-пулемета Дегтярева [11].

На дальних подступах к Сочи 19–20 августа разведкой в районе Алексеевское были обнаружены немецкие части численностью до роты. В районе высоты 1114 того же направления также были обнаружены немецкие части невыясненной численности [12].

В связи с угрозой быстрого выхода немецких частей через Главный Кавказский хребет подразделения 20-й гсд перебрасываются на перевалы. Так, 4-я ср 379-го гсп, дислоцированная в Сочи, перебрасывалась автотранспортом до пос. Бзыч, а оттуда форсированным маршем – на перевал Белореченский. 5-я ср этого же полка, находящаяся в движении на Белореченский перевал, должна была усилить скорость своего движения [13].

Необходимо отметить, что командование 20-й гсд не исключало возможности выхода немецких частей на Сочи, поэтому все тропы с перевалов были подготовлены к разрушению путем минирования [14].

Первые столкновения не за-медлили произойти. По всей ве-роятности, они произошли в районе г. Фишт. В послевоен-ный период один из биографов 20-й горнострелковой дивизии В.Н. Давидич в очерке «История боевого пути 20-й горно-стрелковой Барановичской дважды Краснознаменной ди-визии (июль 1918 – май 1946 гг.)» писал: «Части 97-й легко-пехотной дивизии и не-сколько эскадронов конницы, поддержанные артиллерией, преследуя отходящие части Се-веро-Кавказского фронта, во-рвались в ущелье восточнее го-ры Фишт, стремясь захватить Белореченский перевал.

20 августа 379-й горнострел-ковый полк (командир Ланго-вой) завязал ожесточенные бои с наступающим вражеским 207-м полком немцев. Подраз-деления 379-го полка первыми приняли боевое крещение в Ве-ликой Отечественной войне. В течение 4 суток отбивали они атаки противника. Противнику удалось захватить горы Абад-зеш и Туба.

Для усиления этого направле-ния на помощь 379-му полку были брошены подкрепления.

25 августа 379-й полк, уси-ленный 23-м и 33-м полками НКВД, атаковал противника и отбросил его на север» [15].

Здесь много фактических ошибок. Так, пограничные пол-ки НКВД были переданы 20-й гсд только 1 сентября. Помимо этого, обнаруженные Ю.В. Чер-ноусовой в Центральном архиве

министерства обороны доку-менты свидетельствуют, что со-бытия развивались несколько иным образом. Например, со-гласно боевому донесению № 20 от 21 августа 1942 г., утром этого дня в районе г. Фишт бы-ло обнаружено до роты немец-ких солдат в альпинистском обмундировании. Подразделе-ния 379-го горнострелкового полка (гсп) – пешая разведка и рота автоматчиков – не замед-лили пойти на боевое сопри-косновение. Однако альпини-сты не приняли бой и ушли в сторону высоты 1064. 26 августа разведка 23-го по-гранполка НКВД сообщала, что замеченная рота альпинистов перешла на гору Оштен и ак-тивности не проявляет [16]. Иных сведений, в том числе о боевых действиях, в оператив-ных сводках штаба 20-й гсд не имеется.

Переданное в оперативное подчинение 20-й гсд Второе Тбилисское пехотное училище продолжало прикрывать побе-режье моря в границах Хоста – Пиленково, занимая двумя ср и одной минометной ротой Хосту, тремя минометными ротами и одной стрелковой ротой – район Нижняя Николаевка, пулемет-ным батальоном – Адлер и од-ним стрелковым батальоном – южные и юго-западные скаты высоты 188 [17].

Приданный дивизии 12-й одбп, имея базу в Хосте, дисло-цировался следующим образом: один бронепоезд – на станции Чемитоквадже, второй – на Ма-

цесте [18] (вероятно, с целью прикрытия сталинской дачи «Зеленая роща» - **А.Ч.**).

На дальней оборонительной линии 24 августа немецкие войска силою до батальона вышли к реке Закан и заняли высоту 587. В тот же день 4-я ср 265-го гсп подверглась бомбардировке немецкой авиацией, в ходе которой 3 военнослужащих получили ранения [19].

В этот же день командир 20-й гсд отдал приказ командирам 174-го, 265-го и 379-го гсп подготовить к взрыву занимаемые частями перевалы, проходы и подходы к ним, выделить ответственных лиц за проведение взрывов по решениям командиров частей... Подготовку к взрывам дорог, троп и перевалов закончить к 5 сентября. Об исполнении донести [20].

28 августа один немецкий самолет из пулемета обстрелял район Красной Поляны, спустя 10 минут, вероятно, тот же самолет обстрелял на подступах к перевалу Аишха колонну вьючного транспорта 174-го гсп. Вследствие обстрела был ранен младший лейтенант [21].

Помимо бомб немецкая авиация в августе, а частично и в сентябре сбрасывала на перевалы агитационные листовки. О психологических методах воздействия немцев вспоминает А.А. Вагин: «В рамках психологической войны немцы во время своего наступления сбрасывали листовки, содержание которых было направлено на

воспевание немецкой армии и обязательно призывом советским солдатам сдаваться. При этом в листовке подчеркивалось, что сопротивление бессмысленно, а немцы за службу в Красной армии наказывать не будут.

Другим психологическим воздействием было сбрасывание с истребителей - бомбардировщиков Me-109 пустых пробитых металлических бочек. Во время полета над нашими подразделениями немецкие летчики сбрасывали их, свист стоял страшный» [22].

О сбрасывании листовок немецкими самолетами есть свидетельство и у Д.И. Котенко: «Один раз в районе реки Ажу (немцы. - **А.Ч.**) сбросили очень много листовок, призывающих всех русских людей к покорению фашистам. В это время в районе Ажу работала масса людей из города Сочи. Направленная на расчистку дороги от Бзоги до Бабук аула» [23].

На немецкой пропаганде необходимо остановиться подробнее. Первые пропагандистские роты были сформированы в ходе оккупации Судетской области в октябре 1938 г. К 22 июня 1941 г. в 7 армиях и 4 танковых группах имелось в общей сложности 11 пропагандистских рот, общей численностью 2244 человека [24], которые, особенно в первый период войны, проявили себя очень эффективно. Работой солдат и офицеров армейских рот пропаганды являлось методическое

воздействие на военнослужащих Красной Армии с целью склонить их прекратить сопротивление и сдаться в плен. Это достигалось путем радиопередач, объявлений через мегафонные устройства и, конечно же, листовок, которым была отведена самая большая роль: они изготавливались миллионными тиражами, разбрасывались с самолетов, распространялись с помощью диверсантов и местных жителей.

Большинство печатной продукции армейских пропагандистов не отличалось изысканностью содержания, что происходило отнюдь не из-за идейной отсталости отдела пропаганды. Пропагандисты опирались на Директиву верховного командования Вермахта, в которой излагались основные принципы пропагандистского воздействия на противника. В данном документе отмечалось, что во фронтовой пропаганде бесполезно использовать сложные, запутанные, искусственно построенные тексты. Чем проще, яснее, естественнее содержание, тем выше его эффективность. Это объяснялось тем, что человек больше всего подвержен эмоциональному воздействию, поэтому значительно эффективнее обращаться к его чувствам, а не к разуму [25]. Что касается мегафонных – звуковещательных устройств, то необходимо отметить, что дикторами их, как правило, были советские военнопленные или девушки из числа местного

населения. Эти две категории, по мнению немецких специалистов, наиболее благоприятно воспринимались на слух бойцами и командирами РККА. В то же время советская пропаганда, направленная на немецких солдат и коллаборационистов, на перевалах отсутствовала полностью, в крайнем случае такие факты ни в документах, ни в воспоминаниях, ни в неопубликованных рукописях не отмечены.

Накануне боев за Умпырский перевал в направлении пос. Псебай выступила разведгруппа из 12 человек 265-го гсп, в то время приданная 174-му гсп. Разведгруппа имела цель захватить «языка» и вернуться в расположение 174-го гсп. На третьи сутки группа спустилась к реке М. Лаба. Устроили засаду. На рассвете разведчики заметили двух немцев. Когда горные стрелки приблизились, разведчики бесшумно набросились на них. Один из разведчиков (Юрченко) куском гимнастерки заткнул рот немцу, а обмоткой снятой с ноги, завязал ему рот, оставив только нос. Также поступили и с другим. К винтовкам СВТ разведчиков добавились два трофейных автомата. Быстро ушли с тропы и укрылись в скалах. Обратный путь к своим у разведчиков занял две ночи и один день.

По пути один из немцев, который оказался русским коллаборационистом, пытался оказать сопротивление и был уничтожен. Второй – немецкий ун-

тер-офицер – был доставлен в устье реки Чистой в штаб 20-й гсд полковнику Турчинскому. От «языка» было установлено, что в пос. Псебай находится штаб горно-стрелковой дивизии [26]. Спустя два дня 6 советских бомбардировщиков осуществили бомбовый налет на расположение немецкого штаба.

Таким образом, советской разведкой 174-го гсп было установлено, что по направлению к Умпырскому перевалу движутся части 4-й гсд генерала Эгельзеера [27]. Миссию по захвату Умпырского перевала выполнял 13-й горнострелковый полк. Его командир получил приказ перейти через перевал Дукка, спуститься ниже по течению Большой Лабы, выбить с перевала Умпырский подразделения 174-го гсп 20-й гсд, а затем овладеть перевалами Аишхо и Псеашхо. Оставив свой 2-й батальон прикрывать перевалы Наур и Кызгыч и западнее поддерживать подразделения Санчарской группы, 1-й и 3-й батальоны форсированным маршем направились в Лабинское ущелье [28].

В.Н. Давидич о боях на Умпырском направлении сообщил следующие: «2-я и 5-я роты 174-го горнострелкового полка с пулеметной ротой, минометной ротой и кавалерийским эскадронам дивизии в 12:00 неожиданно для немецких егерей нанесла огневой удар. Егеря, усиленные большим количеством минометов, перешли в на-

ступление, пытаясь захватить Умпырский перевал.

Сосредоточенным огнем и контратаками красноармейцы 2-х рот 174-го гсп отразили все вражеские атаки. За 2,5 часа боя враг потерял 633 солдат и офицеров. 17 немцев было взято в плен» [29].

Биограф 20-й гсд В.Н. Давидич ошибся с датой немецкой атаки: она произошла впервые 29 августа. Проследим, что отложилось в подневных оперативных сводках штаба дивизии. 29 августа начались бои за Умпырский и Белореченский перевалы, в этот день подразделения 174-го гсп отбили две атаки противника в районе Умпырского перевала. Первая немецкая атака силою до полка пехоты развивалась с занятой накануне высоты 587. Однако сосредоточенный огонь советских подразделений вынудил немецкие войска отойти на исходные позиции. Второй атаке предшествовала артиллерийская подготовка из крупнокалиберных орудий и обходной маневр отдельных групп противника через плато Лагонаки. Тем не менее и эта атака была отбита со значительными потерями для противника [30]. Никаких сведений о 17 пленных немецких солдатах и тем более о 633 погибших или раненых горных стрелках не было.

Более того, за период боев с передовыми подразделениями 97-й егерской дивизии 174-й гсп понес потери: убитыми среднего командно-начальст-

вующего состава (КНС) – 2, младшего КНС – 2, рядовых – 6. Ранено: среднего КНС – 3, младшего КНС – 3, рядовых – 15 человек. Пропало без вести: среднего КНС – 1, младшего КНС – 5, рядовых 32 человека [31].

Советские солдаты и офицеры – участники боев – запомнили, как правило, первый бой, первого погибшего. Об одном из первых боев 174-го гсп в районе Умпырского перевала вспоминает бывший рядовой 2-й роты 3-го батальона А.Г. Нагабедян: «В моем первом бою был случай. Атаковали мы перебежками: 4 секунды – перебежка, ложись и в сторону, чтоб снайпер не засек. Перебегаю, ложусь, смотрю, рядом парень лежит, на лицо его плащ-палатка натянута. Снимаю, а он мертвый: пуля в лоб попала, еще кровь течет. Вечером после боя, когда мы все собрались, Карапетян Вагаш из Сочи бледный такой сидит. Ну, расспросил его, и он рассказал про этого парня, он тоже рядом залегал. В конце войны мы уже, как инвалиды, встретились в Адлерском военкомате и Вагаш сказал, что брал Малую Землю в составе десанта, видел море крови, но этого первого погибшего забыть не может» [32].

30 августа произошел один из самых трагических эпизодов в боях 20-й гсд на Главном Кавказском хребте. В этот день немецкие войска силами в два пехотных полка начали наступление по долине рек Умпырь и Лугань. Под натиском превосходя-

щих сил противника два взвода 174-го гсп начали отступление в расположение 5-й ср. На позициях был оставлен боевой отряд (БО) № 10, сзади которого расположился заградительный отряд (взвод 2-й ср 174-го гсп) [33]. Боевой отряд вступил в бой и дал существенный отпор атакующим, при этом, по явно завышенным данным командира 174-го гсп, немцы потеряли до 500 солдат и офицеров. Несмотря на значительные потери, немецкие части осуществили окружение БО, из которого часть личного состава вышла, 28 человек, находясь в окружении, пропали без вести, и 18 человек из состава 2-го взвода отряда № 10 перешли на сторону немцев [34]. Об эффективности деятельности заградительных отрядов обсуждать не будем, т.к. эта тема отдельного исследования, но в данном случае именно они способствовали добровольному переходу советских солдат на сторону противника. Отступать назад советские солдаты фактически не имели возможности.

Для повышения устойчивости советских частей 20-й горнострелковой дивизии применялись не только заградительные отряды, но и значительная политическая подготовка. Политической работой занимался дивизионный военный комиссар Л.Ф. Голандзия. Политотдел дивизии возглавлял старший батальонный комиссар Вечтомов. Работники политотдела С.Я. Новиков, А.Г. Мильнер, Я.М. Макеев и др. в частях и подразделениях, в боевых порядках воинов инструктировали политаппарат,

секретарей партийных и комсомольских организаций, разъясняли бойцам и командирам задачи дня и обстановку [35]. Имелась в дивизии и собственная дивизионная газета, которая называлась «На боевом посту» [36]. Вот что вспоминал о политической работе А.Г. Нагабедян: «Старший политрук Остапчук отвечал в полку за политическую подготовку. Он приходил на посты в землянки, вел беседы и тем самым поднимал воинский дух» [37]. Темы политзанятий были сходными с темами, рассматриваемыми комиссаром народного ополчения в Сочи, как правило, это статьи передовиц газет «Правда», «Известия», «Листок агитатора», а также статьи из самой дивизионной газеты.

Для прорыва окружения был выслан стрелковый взвод, который, нарвавшись на немецких егерей, стал сразу же отступать, к нему вскоре примкнул взвод конной разведки. Два взвода вступили в бой, причем были убитые с обеих сторон [38].

В результате наступления горными стрелками был взят Умпырский перевал [39].

31 августа значительную активность стали проявлять немецкие войска перед подразделениями 23-го и 33-го погранполков НКВД (пп НКВД) в районе г. Туба. Здесь немцы перешли в наступление силами одного полка конницы, подразделением пехоты и артиллерии. Немцам противостояли 23-й пп НКВД и 1-й батальон 33-го пп НКВД – завязались ожесточенные бои [40].

В тот же день на основании директивы командующего 46-й армией №808/ОП от 31 августа командир 20-й гсд приказал снять 265-й гсп с обороны перевала Хокуч и перебросить в район Красной Поляны, Медовеевки. Командиру 265-го гсп надлежало передать оборону перевала частям 18-й армии в период 2–4 сентября, а к исходу 4 сентября – сосредоточить полк в районе Адлера. Движение полка должно было происходить до Лазаревской пешим ходом, от Лазаревской до Адлера – бронепоездами [41].

И наконец, 31 августа на основании директивы ставки Верховного главнокомандующего № 170529 о разграничении между Северо-Кавказским и Закавказским фронтами 20-я гсд и район, ею занимаемый, были переданы Северо-Кавказскому фронту [42].

Подводя итоги деятельности советских войск на перевалах в течение августа 1942 г., необходимо отметить, что этот период характеризуется значительной активностью немецких войск. В ходе августовских боев войска 20-й гсд понесли потери убитыми не менее 13 чел., ранеными – не менее 27, а пропавшими без вести или сдавшимися противнику – не менее 84 военнослужащих.

При этом потери немецких войск также были значительными.

Потери авиации противоборствующих сторон были незначительными, интенсивных воздушных боев еще не происходило.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
2. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
3. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
4. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 68.
5. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 69.
6. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 69.
7. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.
8. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
9. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 5.
10. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 12.
11. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 12.
12. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
13. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. К. 10867. Л. 18.
14. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
15. Архив музея истории города-курорта Сочи (АМИКС). Ф.7. Д. 144. Л.44.
16. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 35.
17. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
18. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
19. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 34.
20. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
21. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.
22. Из интервью с А.А. Вагиным от 9 декабря 2006 г. // Личный архив Черкасова А.А.
23. Из неопубликованной рукописи Д.И. Котенко // Личный архив Черкасова А.А.
24. *Кирхнер К.* Военные листовки//Родина. 1996. № 5. С.63.
25. *Крысько В.Г.* Секреты психологической войны / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 1999. С.356-357.
26. АМИКС. Ф.7. Д. 144. Л. 50-51.
27. АМИКС. Ф.7. Д. 144. Л. 45.
28. *Алиев К.-М.И.* В зоне «Эдельвейса». М., Ставрополь, 2005. С.242.
29. АМИКС. Ф.7. Д. 144. Л. 45.
30. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 43.
31. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.
32. Из интервью с А.Г. Нагабедяном от 15 декабря 2006 г. // Личный архив Черкасова А.А.
33. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.
34. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 45.
35. АМИКС. Ф.7. Д. 144. Л. 52.
36. АМИКС. Ф.7. Д. 144. Л. 53.
37. Из интервью с А.Г. Нагабедяном от 15 декабря 2006 г. // Личный архив Черкасова А.А.
38. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.
39. АМИКС. Ф.7. Д. 144. Л. 46.
40. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. К. 10867. Л. 46.
41. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 45.
42. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.